

## Как писалась трилогия об отце

«Реформатор» – последняя книга в трилогии об отце. Логически она – первая, но хронологически, по мере написания, последняя. И в этом есть своя логика.

Первую книгу, «Пенсионер союзного значения», издательство АПН (Агентство печати «Новости») опубликовало в 1991 году. Она – чистой воды воспоминания, рассказ о последних семи годах жизни моего отца, Никиты Сергеевича Хрущева, о его политическом заточении, о работе над мемуарами, о смерти и похоронах. Мне тогда очень хотелось выговориться, рассказать о том, о чем еще совсем недавно и упоминать-то запрещалось.

Неожиданно для себя я обнаружил, что у меня получается. Раньше ничего, кроме научных отчетов и служебных записок, из-под моего пера не выходило, а тут – сразу книга, сразу успех. Книгу перевели на английский, китайский, немецкий, французский, японский, корейский, норвежский, голландский, чешский и венгерский языки. В некоторых странах она стала бестселлером.

Второе, дополненное издание «Пенсионера» вышло в 2001 году в издательстве «Вагриус» под иным, менее адекватным содержанию, названием «Хрущев».

Окрыленный успехом «Пенсионера», я засел за новую книгу, уже не только об отце и его деяниях, но и о себе, о моих коллегах-ракетчиках. Постепенно мемуары разрослись в рассказ о становлении Советского Союза в статусе сверхдержавы, о роли отца в этом процессе, о его концепции безопасности страны, о его взаимоотношениях с конструкторами и учеными, генералами и адмиралами, Западом и Востоком. Книга вышла объемистой, за семь сотен страниц, в ней сошлись половина на половину мемуары и исторические исследования. В процессе работы мне самому многое прояснялось в нашем прошлом, события обретали свою взаимозависимость, выстраивались логическими цепочками. Я все больше ощущал себя уже не просто любителем истории, а историком, историком Сверхдержавы.

Здесь уместен вопрос: что такое советская сверхдержавность?

Одни считают советскую сверхдержавность всего-навсего пропагандистским мифом. Другие относят оформление сверхдержавности к сталинскому правлению конца Второй мировой войны. С первыми спорить не о чем – если Советский Союз не сверхдержава, то история холодной войны теряет содержание. Со вторыми я попросту не согласен.

Победа над Гитлером в мае 1945 года заставила наших союзников, в первую очередь США, считаться с СССР, со Сталиным, но в четко очерченных войной границах согласованного в Ялте и оккупированного советскими войсками географического пространства. За его пределами влияние Советского Союза сводилось на нет. Сталин пытался изменить раздражавшую его расстановку сил, но безуспешно, каждый раз получал по рукам. К примеру, сразу после окончания войны Сталин вознамерился присоединить к СССР иранский Азербайджан, уже несколько лет оккупированный советскими войсками, но не тут-то было, американцы надавили, и ему пришлось вывести свои дивизии.

Не удалось Сталину установить контроль и над приграничными, исторически армянскими и грузинскими, но после Первой мировой войны юридически турецкими территориями. Турки, сочувствовавшие и помогавшие Гитлеру, по существу смирились с неизбежностью потери, даже отвели свои войска от границы. Но вмешались американцы, и Сталин сдал назад.

Не повезло ему и на Западе. Сразу после окончания войны Западная Европа, колеблясь между Москвой и Вашингтоном, склонялась в сторону Москвы. Во Франции и особенно в Италии коммунисты оказались почти у власти, вошли в правительства, их победа на предстоящих выборах мало у кого вызывала сомнения. Американцам стоило немалого труда удержать у власти своих сторонников. Сталин воспрепятствовать не посмел.

На Балканах Сталин в те же годы не решился прийти на помощь повстанцам в Греции. Испугался американцев. Восстание подавили.

Сталин делал попытки вырваться за пределы очерченного союзниками круга. Вырваться с помощью военной силы. Видимо, он так и не осознал, что в новом ядерном мире попытка повысить свой статус такими методами столь же бессмысленна, как кавалерийская атака против танкового клина.

В 1948 году Сталин объявил блокаду оккупированных союзниками западных секторов Берлина. Ему казалось, что город, лишенный подвоза продовольствия, топлива, я уже не говорю обо всем остальном, не выдержит, капитулирует, как капитулировал в Сталинграде гитлеровский фельдмаршал Паулюс, окруженный советскими войсками. Сталин просчитался, американцы установили воздушный мост, наладили снабжение Берлина самолетами, и город выстоял. Вынужденный признать поражение, Сталин блокаду снял.

И наконец, провал затеянной с благословения Сталина Корейской войны.

Россия Сталина, как ни крути, – держава могущественная, но региональная, а не сверхдержавой.

Отец действовал иначе. Войну как инструмент упрочения позиций СССР в мире он с самого начала отверг, приступил к наведению сожженных Сталиным мостов с Западом, но вместе с тем не позволял никому ущемлять интересы собственной страны. Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес называл такое поведение политикой с позиций силы, политикой на грани войны. Как отец, так и Даллес отчетливо представляли себе, где проходит эта грань, сами ее не переступали, но и противника держали за гранью. Тут все зависело от адекватности реакции, твердости в переговорах, трезвой прагматичности при принятии решений. Как только США пытались навязать свою волю в сфере интересов Советского Союза, отец не медлил ни минуты с ответом. В результате разгорался очередной кризис: Суэцкий, Берлинский, Ближневосточный, Дальневосточный и, наконец, Карибский. Опасная стратегия, но единственно возможная в противостоянии конкурентов, претендующих на сверхдержавность. Чуть дашь слабинку – и неизбежно окажешься на задворках. Кризисы грозили войной, но и учили лидеров обеих сторон взаимодействию, взаимотерпимости, правилам сосуществования в нарождающемся новом миропорядке. Шаг за шагом руководители СССР и США, а вслед за ними и других государств Запада и Востока притирались друг к другу. Не сразу, постепенно, мир привыкал к равноправному партнерству СССР и США.

Можно ли обозначить конкретный момент, когда Советский Союз стал сверхдержавой? На мой взгляд, можно. Советский Союз стал сверхдержавой в момент разрешения Карибского кризиса, в октябре 1962 года. Кризиса, впервые в истории продемонстрировавшего американцам не только чужую, но их собственную уязвимость, поставившего США, развяжи они войну, перед неотвратимостью возмездия. Первую половину XX века американцы, прикрывшись щитом двух океанов, Тихого и Атлантического, прожили в безопасности и, наподобие римлян, расположившихся на трибунах Колизея, наблюдали за битвами на полях Европы, выбирали момент, когда следует нанести по одному из противников решающий, смертельный удар. Даже в 1961 году, во время Берлинского кризиса, все оставалось без изменений. И вдруг, в октябре 1962 года, американцы осознали, что они больше не зрители, а потенциальные жертвы, наравне с другими участниками опасной игры. Эта новость так перепугала рядовых американцев, что после 1962 года они уже не смели, несмотря на все доклады ЦРУ о преимуществе США в ядерном потенциале, считать Советский Союз неровней. Именно тогда общественное мнение США признало СССР Сверхдержавой. Оно же через три десятилетия, в 1992 году, лишило Россию этого титула.

Первая редакция новой книги вышла в издательстве АПН в 1994 году, к столетию со дня рождения отца, название оказалось не очень удачным – «Никита Хрущев. Кризисы и ракеты». У одних оно ассоциировалось с популяризацией ракетных технологий, у других –

с единственно запомнившимся кризисом, Карибским. При повторном издании я переработал книгу и переименовал ее в «Рождение сверхдержавы». Вышла она в свет в издательстве «Время» в 2000 году, а в 2003-м то же издательство осуществило третье, дополненное издание. Книга кроме России опубликована в США, Китае и Германии.

Не могу не отметить, что в 2002 году архивисты-историки Александр Пыжиков и Александр Данилов позаимствовали у меня заглавие «Рождение сверхдержавы» для своей книги о послевоенных сталинских годах. Это не только неэтично, но и по существу, как я уже писал, неверно.

В 2000 году я засел за третью книгу об отце – «Реформатор». Собственно, замыслил я ее давно, да руки все не доходили. Начавшиеся в 1990-е годы преобразования в России заслонили тогда, даже в моем сознании, времена Хрущева. Постепенно туман рассеивался, «конструктивность» гайдаровских реформ все более обнажалась. Я потерял к ним интерес и вернулся к «своему» периоду в истории России.

До меня внутренней политикой Хрущева всерьез не занимался никто. На Западе, в Америке, где вышла большая часть книг об отце, его реформаторство мало кого интересует. Чужие реформы в чужой стране. Хрущев для американцев навсегда остался опасным соперником на международном поприще, а как он старался сделать советскую экономику более эффективной, преобразовать сельское хозяйство, накормить, обути и расселить людей, их не занимало и не занимает. В СССР же на все, связанное с Хрущевым, даже на его имя, сначала наложил табу Брежнев. После советской власти россиянам, в том числе и историкам, стало не до истории, потом они увлеклись тем, что называли «эпохой Сталина».

Российские публикации об отце немногочисленны, в лучшем случае анекдотично поверхностны, часто лживо тенденциозны. Их авторы «обсасывают» жареные, не имевшие места в действительности, «факты». К архивам такие «историки» обращаться не привыкли. В результате знание об эпохе Хрущева не выходит за рамки анекдотов.

Новая книга, как и предыдущие, содержит какой-то процент личных воспоминаний, но изначально я замыслил в ней реконструировать период 1953–1964 годов, базирясь не столько на собственной памяти, сколько на архивных изысканиях, на уже опубликованных документах, на воспоминаниях, причем чаще недоброжелателей отца – их дожило до наших дней больше, чем доброжелателей. Книга строится хронологически. Год за годом разворачивается повествование о попытках реструктуризировать экономику и саму власть, об отце и изобретателях панельного строительства, об аграрных реформах, о кукурузной эпопее – так, как она происходила на самом деле, об отце и его друзьях-ученых, академиках Лаврентьеве, Семенове и многих других, о борьбе за власть и об интригах вокруг власти. Маленков, Булганин, Брежнев, Суслов и многие другие для меня не символы и не портреты, а живые люди.

Так что же такое эпоха Хрущева? Ответ непрост. Достигнув в результате первой волны реформ 1953–1958 годов частичной децентрализации экономики, дробления ее на совнархозы, некоего пика в развитии, страна в 1959 году начала пробуксовывать. Три года (1959–1961) отец занимался поиском выхода, а с 1962 года он задумал новую, более радикальную реформу. Зиждилась она на трех китах: освобождении производителя, предприятий промышленности и сельского хозяйства от мелочной опеки сверху; сведении их взаимоотношений с государством к отчислению ему части прибыли, другими словами – уплате налога; и в области государственного переустройства – к демократизации общества, перетеканию властных полномочий от партии к советам всех уровней. Осуществить замысел отцу не хватило времени, но реализация уже после его отставки в октябре 1964 года в так называемой Косыгинской реформе 1965 года даже малой толики замысленного показала, что путь он избрал верный.

Если просуммировать плюсы и минусы эпохи Хрущева, то при всех неизбежных в пору перемен издержках и неурядицах реформы отца дали ощутимый эффект.

Цифры как советской, так и антисоветской статистики свидетельствуют: в двадцатом веке лучше, чем в «хрущевское десятилетие», россияне не жили ни до, ни после. Не могу утверждать, что все жили тогда хорошо, но лучше им пожить не пришлось. Подтверждение тому и продолжительность человеческой жизни: в 1964–1965 годах она достигла своего пика, превысила американскую, а затем пошла на убыль. Таковы факты. Однако, несмотря на факты, реформаторство отца даже в ученом мире почему-то принято считать неудавшимся.

Через двадцать лет после отца, в начале 1980-х годов, Дэн Сяопин в Китае, по сути, реализует то, что отец не успел сделать в Советском Союзе, и реализует с оглушительным успехом. У нас же после недолгого переходного периода 1964–1968 годов все покатилося под откос. В чем тут причина? В своей книге я попытался отыскать ответ и на этот вопрос.

Деградация Советского Союза, экономическая и политическая, после пика 1954–1965 годов представляется мне исторически незапрограммированной, не неизбежной. Страна и дальше могла развиваться по восходящей, если бы... если бы лидеры, пришедшие на смену отцу, не остановили, а продолжили реформы, продвижение к нормальной децентрализованной (рыночной, если хотите), основанной на уважении закона экономике и к демократии. Но они предпочли «стабильность», впали в извечную российскую спячку, в застой, в проедание накоплений предыдущего поколения. Похмелье после пробуждения оказалось ужасным, общество требовало одномоментных перемен, немедленного разрушения всего построенного ранее. Конечно, все хотели как лучше, но... Который раз Россия натывается на роковое «но»...

Циклы реформа – контрреформа (или застой) столетиями злым роком преследуют Россию. Последний из них, ему мы стали свидетелями во второй половине XX века, отличается от предыдущего второй половины XIX – начала XX века только деталями, в основном идеологического характера. Реформы императора Александра Второго сменились «стабильностью», застоєм царей Александра Третьего и Николая Второго, за которым последовало пробуждение, всплеск недовольства и, как следствие, – революция, разрушение. Новый цикл реформа – контрреформа конца XX века привел к столь же катастрофическим для страны последствиям: контрреволюции 1991–1993 годов, упадку, разрухе.

Последнее время в угоду идеологии контрреволюцией принято называть события 1917 года, Октябрьскую революцию, а контрреволюцию 1991 года – революцией. Так приятнее для слуха людей, власть предрежащих. По мне, так хрен редьки не слаще. Однако, если отвлечься от эмоций, революция меняет старый уклад на новый, что и произошло в 1917 году с отменой частной собственности, а контрреволюция восстанавливает старые, отмененные революцией принципы взаимоотношений в обществе.

С началом XXI века Россия входит в очередной цикл, выбирается из-под обломков контрреволюционных потрясений и примеривается к новой реформации, преобразованию олигархической мародерской экономики в продуктивную, к внедрению принципов демократии в общественные отношения. Здесь крайне важно не наступить на те же грабли.

Разбираться в перипетиях десятилетия 1953–1964 годов мне оказалось непросто.

Я, историк-непрофессионал, вторгся на территорию, бдительно охраняемую дипломированными историками. Чужаков они не жалуют. Не миновала сия чаша и меня, я столкнулся не просто с недоброжелательностью, но и с намеками на необъективность, неправомочность заниматься деяниями собственного отца. Леонид Млечин в книге «КГБ. Председатели органов госбезопасности» даже обозвал меня родоначальником истории самооправданий. Сказано хлестко, но не очень объективно. Воспоминания детей и иных родственников государственных деятелей не менее ценны, чем любые другие источники, к тому же они уникальны своими деталями.

Даже грешащие чудовищными выдумками воспоминания Серго Берия («Мой отец – Лаврентий Берия») или более чем декларативная книжка Андрея Маленкова «О моем отце

Георгии Маленкове» содержат, если приглядеться, немало полезной информации. Всякая история состоит из фактов и их интерпретации. Родственным чувствам изменить факты не под силу. Другое дело интерпретация, тут уж проявляется индивидуализм каждого, как писателя, так и читателя. Я часто задаю себе вопрос: насколько я объективен? Думаю, что не объективен, но и самый отстраненный историк имеет свои пристрастия. Только читателю дано судить, чьи логические построения доказательнее.

Что же касается обращения с фактами, то тут все зависит от человеческого характера. Кто-то не стесняется залезть в чужой карман, другому такое и в голову не придет. Так и с историей: одни, ничтоже сумняшеся, факты подтасовывают, другие относятся к ним с пие-тетом. Я себя отношу к последним.

И вообще, насколько историческая наука способна сохранять объективность? Ответить непросто. История испокон века сожительствовала с мифологией, нередко подменяла и подменяет реальные события фальшивками в угоду правителям. Вот только пара примеров. Тюдоры, завладев в XV веке английской короной, тут же переписали британскую историю, представили предшествовавшую им династию Йорков извергами, а их последнего короля Ричарда Третьего (1453–1485) кровавым вырождаком. Такими они и оставались все последующие столетия. Только недавно англичане с большим трудом начали докапываться до истины.

В России историю подправляли и переписывали неоднократно. В 1560-е годы Иван Грозный в составленной по его приказу «Степенной книге» полностью перекроил прошлое от Киевской до Владимирской Руси под себя, под Московию.

Не лучше поступили и Романовы с Рюриковичами. После вступления Михаила на российский престол в 1613 году они не только заново перелопатили историю, но и наложили запрет на доступ к ней «посторонних». История стала не источником знаний, а политическим орудием. Потому-то в России настоящих историков можно по пальцам пересчитать: Карамзин, Соловьев, Ключевский. Вплоть до второй половины XIX века высочайшим распоряжением запрещалось печатать исторические статьи в популярных, доступных людям журналах, дабы не смущать умы народа.

Товарищ Сталин с его «Кратким курсом истории ВКП(б)», по которому училось мое поколение, превзошел Тюдоров с Романовыми, он вообще не оставил камня на камне от исторических реалий и фактов первой половины XX века, лишил прошлого целое поколение.

И в наше время есть любители по своему разумению творить новые мифы. Однако с распространением информационных технологий целенаправленное мифотворчество ожидают не лучшие времена, и я льщу себя надеждой, что недалеко то время, когда история все же обретет в России статус настоящей науки.

Знание истинной истории очень важно, ибо наше будущее произрастает из прошлого. От «качества» нашей истории, от ее адекватности напрямую зависит «качество» нашего будущего. Исторические фигуры, наши отцы и деды, ушли в небытие, им уже безразлично, что о них пишут, как их судят. И мы, их ближайшие потомки, скоро последуем за родителями. Грядущее поколение – вот кто воистину заинтересован в неискаженной истории. Им жить, а как они будут жить, в немалой мере зависит от понимания прошлого. Постоянно переписывая историю, каждое новое поколение россиян, само того не желая, раз за разом обрубают исторические корни дерева собственной жизни и начинают все заново. Но какая жизнь без корней?

Я очень надеюсь, что мои книги кому-то помогут, кого-то уберегут хотя бы от малой толики ошибок.

Подготавливая трилогию к публикации, я старался убрать повторы, не все, так как каждая из трех книг не только часть целого, но и живет своей собственной жизнью. Написанные ранее «Рождение сверхдержавы» и «Пенсионер союзного значения» я дополнил инфор-

мацией, не доступной мне, когда писались эти книги. С годами архивы все больше открывались, книги дополнялись новым знанием, черпавшиеся ранее только из памяти факты уточнялись. Появилась возможность проверки хронологии. В памяти даты иногда причудливо перемешиваются, и только обращение к документам позволяет все расставить по годам, месяцам и дням. Описание некоторых событий тоже стало возможным уточнить. В «Пенсионере» некоторые из фактов брежневских времен, к примеру скандальное увольнение от должности Семичастного, я описал по слухам, тогда кругами расходившимися по Москве. Другие источники информации отсутствовали. Сейчас мы знаем, как все происходило, и я наравне со «старой» версией событий привожу их реальное описание. Любопытно, что разнятся они, в основном, в деталях. В каждом случае изменений и дополнений я оттеняю в тексте пассажи, которые отсутствовали в предыдущих изданиях. Так читателям легче разобраться в перипетиях моего сочинительства.

Хочу поблагодарить всех, кто помогли мне в написании этой книги. В первую очередь, мою жену Валентину Голенко. Она печатала и перепечатывала нескончаемые страницы текста, отыскивала огрехи и во многом способствовала тому, что книга получилась. Особо отмечу неоценимую поддержку моего сына Никиты Сергеевича Хрущева (младшего), снабжавшего меня материалами и взявшего на себя улаживание дел с московскими издателями. Отдельная благодарность академику Александру Александровичу Фурсенко, к сожалению, уже покойному, за ценные советы и содействие в сборе материалов в процессе написания книги. Большое спасибо моему другу Юре Панову, помогавшему всегда и во всем, особенно в делах компьютерных и поиске информации в безбрежных сетях интернета. Ничего бы у меня не вышло без неизменной доброжелательности всего коллектива издательства «Время», а особенно Аллы Михайловны Гладковой и Ларисы Владимировны Спиридоновой, последняя тщательно отредактировала текст, убрала огрехи, сделала его таким, каким он предстал перед читателями. Я очень признателен Эмилии Йотке из Института Томаса Уотсона и моей невестке Леночке, которые оцифровали фотографии к книге и существенно их почистили. Благодарю и всех не названных тут моих друзей за поддержку, долготерпение и благорасположение к автору и его труду.

Спасибо.

*Культура страны определяется тем, насколько она знает свою историю.*

**П. Л. Капица**

*Победит строй, обеспечивший людям лучшую жизнь.*  
**Н. С. Хрущев**